Амазонка

Автор:
Семен Резник

Амазонка

Семен Резник

Высокие чувства и низменные страсти, любовь и ненависть, верность и предательство, мистика и реальность переплетаются в сюжете удивительным образом… В романе много сюжетных линий: борьба мафиозных кланов, расследование, которое ведет полиция и т. д. Все они непосредственным образом касаются алмаза под названием «Желтый глаз».

Семён Резник

Амазонка

КНИГА 1

Глава 1

Было светло, но день клонился к вечеру. Мартинес глянул на часы.

«Около девяти. Несколько часов полета пролетели совсем незаметно», – подумал он. Лучи заходящего солнца ярко освещали крошечный салон, отражаясь на стеклах всевозможных приборов.

– Еще немного, и мы на месте. – Джон Холидей, пилот, оглянулся назад, поправляя дымчатые очки. Слова эти относились Хуану Мартинесу, ибо второй пассажир безмятежно спал, привалившись боком к тонкой деревянной перегородке. Хуан с ненавистью глянул на спящего. Этот мерзавец, на чьем черепе кое-где сохранились остатки шевелюры, и не думал открывать глаза. Ранее он сидел у иллюминатора и глядел на зеленый ковер, проплывающий внизу, то и дело посматривая своими свиными глазками то на Хуана, то на пилота, пока монотонный шум мотора окончательно не сморил его. Рядом с ним примостился небольшой обшарпанный чемоданчик, наверное, найденный на свалке.

Хуан же бодрствовал, хотя делал вид, что дремлет. «Работа», которую ему предстояло выполнить, приятно будоражила его. Он любил эти задания дона Винченцо Галло, выполняя их с особым усердием. Это было что-то вроде приключений, в которых удавалось и пощекотать нервы и, может быть, испытать смертельный риск, но затем, в конце всего, уставшим и опустошенным, вкусить сладость победы. И чем сильнее был противник, чем яростнее он сопротивлялся, видя угрозу своей жизни, тем сильнее была радость победы.

«А этот? – Хуан взглянул на толстяка. – Даже постоять за себя не сможет. Придется разбудить». Он нехотя поднялся, сделал несколько неуверенных шагов (самолет сильно трясло) и сел в кресло рядом с пилотом.

– Ну что? Пора, Джонни? – он посмотрел вниз через лобовое стекло.

Внизу было сплошное зеленое марево, иногда мелькала голубой змейкой река.

– Не знаю, Хуан! Делай, как хочешь. Меня смущает вон то облачко впереди. Гляди, как оно быстро растет…

– Ну и что? Нам что-нибудь грозит? – он вытащил сигарету и закурил.

– Да нет. Я бы не сказал. Но все-таки неприятно попасть в него…

– Ладно, парень, рули. Я пошел, – он встал с кресла и вытащил пистолет.

– Эй, парень, проснись! – Хуан тронул старика за плечо.

Тот вздрогнул и открыл глаза. Прямо перед ним маячило черное отверстие пистолета. Сознание медленно осознавало суровую действительность.

– Ты не посмеешь! Опусти пушку! – толстяк упал на колени, видя непроницаемое лицо Хуана.

– Я отдам тебе все. Смотри! – он вынул из-за пазухи крошечный ключик и дрожащей рукой вставил в отверстие замка. Получилось это не сразу.

Наконец он открыл чемоданчик. Хуана ослепил блеск всевозможных камешков, цепочек, колец…

– Бери… все бери! – умолял толстяк, перебирая рукой драгоценности. – Все твое!

– Отлично, парень! Но все-таки ты умрешь.

Он медленно повел дуло пистолета к виску старика. Казалось, тот вот-вот потеряет сознание. Тихий щелчок заставил пилота вздрогнуть. Он резко глянул назад. Толстяк всхлипнул раз-другой и уткнулся лицом в дно салона. Хуан склонился над рассыпанными камешками.

– Н-неплохой улов. Старик Винченцо будет рад, – он выпрямился и протянул пилоту горсть бриллиантов.

– Жаль старика, – тихо произнес тот.

– Жаль… тебе жаль эту старую скотину? – Хуан чуть не задохнулся от смеха. – Слушай, что я тебе скажу, – лицо Хуана внезапно перекосилось. – В нашем деле сантименты не нужны. Мне приказано было его убрать. Я убрал, не более того. Если бы я не сделал этого, то, возможно, оказался на его месте, – он кивнул на труп.

Джон ничего не ответил. Он сосредоточенно смотрел вперед. Безобидная тучка вдруг разрослась и грозила поглотить самолет.

Тихий возглас удивления заставил его обернуться. Хуан стоял против иллюминатора, держа на вытянутой руке огромный желто-зеленый прозрачный камень. Он смотрел на него и не мог оторваться.

Густой туман, словно каша, окутал самолет. По фюзеляжу забарабанил крупный дождь. В полумраке частые вспышке молний, сопровождаемые оглушительными раскатами, заливали салон ярким синим светом, из-за которого все предметы принимали особо зловещий вид. Труп, словно живой, катался по полу, порою натыкаясь на ноги Хуана. Пилот в это время напряженно сжимал штурвал. Он резко потянул рычаг на себя, и самолет начал набирать высоту.

– Чертово облако! – пилот глянул на датчик высоты. До «потолка» оставалось совсем немного. Тряска значительно усилилась, и, казалось, самолет вот-вот развалится на части. К тому же раскаты грома идеально дополняли эту картину ада.

Дойдя до максимальной высоты, на которую может подняться старенький «ДС-3», Джон резко направил самолет вниз. Конечно, это было рискованно. Быть может, там внизу, в густом тумане, самолет ждут острые вершины гор, но выбора не было. Необходимо было выйти из этой чудовищной ловушки.

До земли оставалась какая-нибудь миля, но проклятый туман не кончался. Ниже опускаться было опасно, и самолет снова начал набирать высоту. Раздался очередной раскат грома, и Джон увидел, как желтовато-голубой шар проник через лобовое стекло и со скоростью быстро идущего человека поплыл по салону. Он двигался на высоте тридцати-сорока дюймов над полом самолета.

– Хуан, не двигайся! – закричал пилот, стараясь перекричать шум самолета.

Он, не отрываясь, смотрел на шар. Тот в это время замедлил движение и начал как-то странно, будто осмысленно, огибать предметы, приближаясь к Хуану. Мулат сидел, вжавшись в жесткое сидение, и вспышки молнии освещали его искаженное страхом лицо. Полупрозрачный шар почти вплотную приблизился к Хуану, затем внезапно отплыл в сторону и направился к правому мотору. Едва он коснулся стенки салона, как раздался оглушительный взрыв. Самолет дернулся, как подстреленная птица, и салон наполнился густым синим дымом. Невыносимо запахло гарью. Было заметно, что самолет начал терять высоту. Мартинес в одно мгновение оказался рядом с пилотом.

– Мы… падаем? – закричал он.

– Похоже… – Джон был невозмутим.

– Отказал правый мотор. Левый работает. Ты слышишь шум?

– Да. А правого не слышно, – задумчиво произнес пилот.

– Ты думаешь, это конец?

– Нет. Вот если бы второй мотор отказал… Попробую набрать высоту. Может, дотянем на одном моторе, – он потянул рычаг на себя. Самолет опять задрожал, и пилот глянул на датчик высоты.

– 0,5… 0,8… миля. Слава Богу! – пилот перекрестился. Пот градом катил по его бледному лицу.

– Разрази меня гром! – вдруг вырвалось у него. Его поразило то, что он видел собственными глазами: этот закоренелый убийца, который, наверное, мог убить и собственную мать, неистово крестился и при этом собирал изумруды в небольшой красный мешочек.

– Ты… ты что? Веришь в Бога? – пилот выпучил глаза.

– Конечно. Я всегда отмаливаю грехи, – Хуан немного успокоился.

– Мы должны быть в Порт-Велью в десять. Люди Дона Винченцо будут там нас ждать, – Хуан дрожащими руками вытащил сигарету.

– Сначала надо выбраться из этого пекла. Даже если это нам удастся, я не уверен, что нас дождутся.

– Что? Что ты сказал?

– Послушай, как работает уцелевший мотор.

– Как? Я ничего не слышу.

– Второй мотор работает неритмично. Он может отказать в любой момент. Видимо, и его зацепило.

Хуан промолчал. Он сосредоточено смотрел вниз. В темном тумане вспыхивали яркие вспышки молнии.

Но через минут пятнадцать, к большой радости пассажира и пилота, туман начал рассеиваться. Вспышки молний и раскаты грома стали реже. Наконец, показалось звездное небо, и самолет, урча мотором, оказался в чистом пространстве. Внизу были хорошо видны освещаемые лунным светом вершины каких-то гор. Затем пошла темная, без единого проблеска, местность. Хуан догадался, что это были джунгли.

Внезапно самолет вновь начал терять высоту. Может быть, внезапным порывом ветра его прижало к земле. Но вот брюхо самолета на мгновенье задело верхушки деревьев, и самолет, ломая их, продвинулся несколько вперед, подобно бульдозеру, прокладывающему путь в кустарнике. Фюзеляж при этом раскололся пополам. Далее взорвался бак с горючим, и над джунглями взметнулось пламя.

Глава 2

Когда Стенли Шнайдер, стараясь не разбудить жену, осторожно соскользнул с постели, часы в соседней комнате пробили восемь раз.

«Как бы не опоздать», – подумал он, делая легкую пробежку к бассейну, расположенному на первом этаже. Он проспал лишних минут двадцать, но не отменять же из-за этого плавание в бассейне. Стенли вбежал на площадку, возвышающуюся над голубовато-зеленой прозрачной гладью и, набрав в легкие воздух, нырнул в воду. Он проделывал это много раз и всегда старался запомнить ощущение прыжка. Тогда тело невесомо, легко парит над водой, и душа наполняется радостью и блаженством. Чувства эти он хотел зафиксировать, чтобы потом вспоминать и вновь испытывать их. Все, однако,

было напрасно: ощущения эти угасали и забывались, едва он выходил из бассейна.

Через сорок минут, когда он, хорошо выбритый, одетый в прекрасно сидящий костюм, подъезжал к своему офису, Мэри только проснулась. Она с трудом поднялась. Голова сильно кружилась. Раздвинув тяжелые бархатные шторы, она распахнула окно. Шелест ветра, запутавшегося в кронах деревьев, и запах апельсинов всегда успокаивали ее. Вот и теперь сильная головная боль, кажется, начала отступать. Мэри подошла к огромному трюмо, стоящему у стены.

«Боже, на кого я похожа? Совсем старуха, – подумала она. – Раньше таких морщин не было, да и мешки под глазами… Вообще, что происходит? Эта вялость, чувство тревоги, бессонница. Надо показаться доктору Коэну». От этой мысли ей опять стало нехорошо. Волокита с анализами… Цепкий взгляд еще не старого врача. И подозрение, что тот ей все врет: не хочет ей говорить, что у нее неизлечимая болезнь, может, даже рак. «Не щадите меня, сеньор Коэн, скажите правду», – скажет она.

Эти мысли были прерваны громкими звуками. Она вновь выглянула в окно. Садовник включил газонокосилку и подстригал траву.

– Доброе утро, сеньора, – старик снял шляпу и чуть поклонился.

– Доброе утро, Гонсалес. Как здоровье? – поздоровалась Мэри.

– Какое может быть здоровье в мои годы? То там болит, то сям… – он досадно махнул рукой.

– Гонсалес, вам не кажется, что те розы несколько увяли? – она указала на грядку, где пламенели огромные розы.

– Где, где? А, вот… – старик заспешил к грядке, на ходу вынимая из прилаженной на ремне сумочки какой-то флакон с прозрачной жидкостью.

– Сейчас подкормим, – он побрызгал жидкостью из флакона на цветы.

– Как сеньор Вулф? Он звонил?

– У него все хорошо, – уклонилась Мэри.

Мэри знала, что этих двоих, ее отца и садовника, связывают добрые отношения. Впрочем, этот старик, не имея собственной семьи, на всю жизнь прикипел к Каспару Вулфу и его семейству. Старик Вулф, даже перебравшись в другой город, всегда в телефонных разговорах с дочерью спрашивал о садовнике.

Отец уже не звонил несколько дней, чего с ним не бывало раньше. Более того, и сам не отвечал на звонки: мобильник его был выключен. Это тревожило Мэри, и она в субботу собиралась со Стенли ехать к отцу. Кстати, в последний раз, когда она звонила отцу, чувствовалось, что тот чем-то взволнован. Тогда Мэри не придала этому значения.

Она знала, что отец намеревался закончить службу у диктатора и скоро должен был возвратиться домой, где его ждала спокойная жизнь: несколько преданных слуг да дочь с зятем. Отец в последнее время намекал ей, что вскоре он сказочно разбогатеет. С этими мыслями она вошла в ванную комнату и, сбросив одежду, встала под прохладный упругий поток воды.

Глава 3

Из небытия Хуана вызвал резкий тошнотворный запах. Он открыл глаза. Прямо перед ним возвышались огромные деревья. Кроны их сплелись так, что лучи солнца только кое-где с трудом пробивали листву. Внизу царила полутьма. Внезапно мозг уловил множество звуков – громких и тихих, пронзительных и глухих. Ими заполнено было все пространство. Скрежет деревьев-великанов, шелест листвы и тысячи всевозможных шорохов служили как бы фоном в театре, в котором сотня-другая невидимых и неведомых певцов исполняли свои партии. То мелодично, как флейта, то четко, отрывисто, как барабанная дробь, или похоже то на плач, то на хохот, от которого Хуану становилось не по себе. К тому же сильная боль – казалось, вот-вот взорвется голова – показывала, что дело действительно дрянь.

«Надо попытаться встать», – подумал он и, опираясь на руки, начал медленно-медленно подниматься. Это давалось с трудом. От резкой боли в ногах он чуть было не потерял сознание. Голова кружилась так, что перед глазами поплыли разноцветные круги. Его опять вырвало. Он упал и растянулся в густой траве. Минуту-другую он лежал неподвижно, но стоило ему лишь прикрыть глаза, как сознание тут же выдавало четкие картинки минувших событий: сосредоточенное лицо Джона, стремительно набегающее черное облако, мертвец, катающийся по салону средь рассыпанных сверкающих камней, бледно-желтый шар, плывущий прямо к нему.

«Встать! Надо встать! – он повернулся на бок. Прямо перед ним рос кустарник, и Хуан уцепился за толстую ветвь. – Теперь подтянуть тело и встать. Так. Вот так».

Наконец, после тяжких усилий он сидел в высокой траве, облокотившись о ствол какого-то дерева. Боль немного утихла. Хуан, боясь вызвать ее вновь, сидел неподвижно, закрыв глаза. Когда он снова открыл их, от сильного головокружения его опять вырвало, но затем стало чуть лучше. Он огляделся, но сочная ярко-зеленая трава была столь чудовищной высоты, что сидя ничего нельзя было увидеть, и тогда, держась все за ту же ветвь, он попытался встать.

Удивительно, но сделать это удалось сравнительно легко. Теперь он мог видеть, что находится на поляне ярдов в сто пятьдесят, покрытой густой травой и кустарником. Поляну со всех сторон обступали высоченные деревья с темной, почти синей корой, на ветвях которых сидели небольшие обезьянки, покрытые белой пышной шерстью. Они с любопытством взирали на то, что происходит внизу. Некоторые, как всегда, переругивались на своем обезьяньем языке, прыгали с ветки на ветку и, повиснув на длинных хвостах, строили рожицы.

Стоило Хуану лишь ступить шаг, как они засуетились: некоторые самки схватили детенышей и, оглушительно визжа, сновали вверх и вниз.

Не обращая на них внимания, Хуан сделал еще несколько нетвердых шагов и остановился. Боль в ноге стала терпимой, не такой резкой, как прежде. «Слава Богу, кое-как могу идти», – подумал он, и эта мысль обрадовала его. О недавней катастрофе напоминала резкая головная боль, странная тяжесть во всем теле и тупая боль в суставах. Случайно он коснулся лба и почувствовал что-то мокрое, липкое. Хуан посмотрел на ладонь. Она была в крови. Кровь сочилась из-под повязки, которая покрывала лоб и затылок несчастного мулата. «Неужели

Джон?» – равнодушно подумал он.

– Ой, покойничек очнулся! – громкий голос заставил его вздрогнуть. Он обернулся. На поваленном дереве, на расстоянии десяти ярдов, возвышалась гигантская фигура пилота. Его лицо так и светилось дружелюбием.

– Джонни, дружище, ты жив? – вяло произнес Хуан.

– А ты думал, я там! – он указал пальцем на небо и захохотал.

Хуан ничего не ответил. Он заковылял к нему и присел рядом, при этом заметив два увесистых холщовых мешка, лежащих в траве у ног пилота.

– Что это? – Хуан рассеянно кивнул на них.

– Кое-какие харчи с «Дугласа». Все, что мне удалось подобрать.

– А где ты взял мешки?

– Там же.

– Где камни? – резко спросил мулат.

Джон Холидей как бы не расслышал. Он беззаботно грыз травинку, вслушиваясь в дикий обезьяний гам, и, казалось, ничего не волновало его.

– Я спрашиваю, где камешки? – Хуан повысил голос.

– Да дались тебе эти камешки! Скажи спасибо Богу, что остался жив. Гляди, какая красота вокруг, – пилот явно издевался.

– Где камни, кретин?! – заорал Хуан.

– Спокойно, дружище, тебе вредно волноваться.

Он сунул руку в один из мешков и, недолго пошарив там, вытащил небольшой красный мешочек. Чуть-чуть помедлив, он протянул его Хуану. Тот расстегнул «молнию» и глянул внутрь. «Да, все на месте. И тот гигантский желтый тоже здесь», – успокоился Хуан.

– Прости, Джонни, я погорячился. Что-то нервы сдают, – он по-дружески похлопал пилота по плечу.

– Ничего, бывает. На-ка лучше подкрепись, – он с заговорщицким видом сунул руку в тот же мешок и вытащил бутылку с ярко-синей этикеткой.

Виски и впрямь был превосходный. Напиток обжог горло и наполнил тело легкостью и теплом.

– Спасибо, ты неплохой парень, Джонни! – Хуан слегка притронулся к затылку.

– Честно говоря, я думал, ты не жилец, – пилот начал вскрывать ножом консервную банку. – Когда самолет развалился, мы оба выпали. Но мне повезло, я легко отделался. А ты лежал с пробитым «чердаком» в отключке. Потом взорвался топливный бак. Я к тому времени перетащил тебя сюда. А ты ничего не помнишь?

– Нет, ничего, – Хуан еще раз хлебнул из бутылки.

– Нам надо как-то отсюда выбираться. Ты не знаешь, где мы находимся? – Хуан подумал, что этот простодушный гигант явно не понимает серьезности их положения.

Стоял конец августа. Влажность и жара сулили приближение сезона дождей. Со дня на день можно ожидать, что потоки горных рек затопят всю эту траву, кустарники, деревья. Хуан знал, что бывали годы, когда вода поднималась так, что торчали лишь верхушки деревьев, мимо которых проплывали ветки, листья и трупы погибших животных. Это совершенно неизведанная страна, где между селениями иногда простираются десятки сотен миль сплошных джунглей. Путешественнику, если он хочет выжить, надо держаться больших рек.

– Нам надо выйти к реке, – громко сказал Хуан, не переставая возиться с банкой. – Мне кажется, мы гораздо южнее Амазонки. Следовательно, нам надо идти…

– На великую реку Амазонку! – нараспев торжественно продекламировал Джон.

– Не придуривайся, мы в чертовски сложном положении, – Хуан вновь разозлился. Было видно, что этот простофиля, который запросто ориентируется в небе, представления не имеет, как делать это на земле.

Солнце тем временем поднималось все выше и выше. Восход в лесу отличается от восхода на открытой местности: здесь он протекает незаметно, и день постепенно становится теплее. Вот и теперь голоса птиц стали оживленнее, цикады пели ни на минуту не прекращающиеся песни. Колибри зависали над громадными яркими цветами, затем исчезали в густой колыхающейся зелени.

Люди, незнакомые с девственными лесами, обычно сразу теряют ориентацию на такой местности. Нет никакой возможности обозревать окрестности, а по прямой идти нельзя: слишком много препятствий. Холидей вспомнил, что в этой местности почти все реки текут на север. Значит, первоначальной задачей является выход на какую-либо речку. После некоторых раздумий, полагаясь больше на свою интуицию, они выбрали маршрут. Только на этом крошечном участке деревья были необычно редки, а чуть дальше они сплошной стеной окружали их поляну.

С первых шагов стало ясно, что придется приложить немало усилий, чтобы вырваться из этого зеленого «рая». Приходилось буквально продираться сквозь колючий кустарник, увешанный серебристой паутиной. На каждом шагу они с омерзением стряхивали с лиц огромных серых пауков. Затем над ними начали роиться потовые пчелы. Они несколько меньших размеров, чем медоносные. Не жалят, зато причиняют много страданий, залезая человеку в ноздри.

Ближе к вечеру они вошли в низкорослый лес. Деревья так сплелись друг с другом, что идти стало совсем невозможно. По сути, деревья стояли в воде. Здесь же было множество кактусов с розовато-лиловыми цветами, усыпанными желтыми колючками. Но вскоре лес закончился, и перед измученными путниками открылось большое пространство, усеянное огненно-красными цветами на высоких стеблях. Здесь и решено было остаться на ночь.

Глава 4

Пробежав глазами заголовки, Винченцо Гало смял утренние газеты и с ненавистью бросил их на журнальный столик.

– Проклятые писаки! Ничего стоящего! – он зло выругался.

В последнее время этот привычный ежедневный ритуал только раздражал его. Каждый раз, открывая газеты, он надеялся отыскать интересную статью или материал. «Вот и сегодня эти сволочи газетчики испортили мне с утра настроение», – подумал он. Вообще, с тех пор, как Хайме Перес попросил его заняться этим проклятым делом, ему фатально не везет. «Сенатор Перес? – дон Винченцо уселся в глубокое мягкое кресло и, открыв маленькую золоченую шкатулку, стоящую на столе, вытащил сигару. – Этот субъект с бульдожьей челюстью, которого я послал бы ко всем чертям, совсем осатанел. Хорошо, что он еще сегодня не звонил, – дон Винченцо с отвращением взглянул на телефон. – Но, с другой стороны, миллион долларов, которые готов вручить мне сенатор в случае успеха операции, стоит того, чтобы выложиться до конца. И разве справедливо, что все проделаю я, а сливки снимет этот чертов сенатор?» – он зажег сигару и сделал глубокую затяжку.

В это время кто-то постучал в дверь.

– Войдите! – зло бросил он.

– Сеньор Винченцо, пришел Доменико Перейра.

– Пускай войдет! – дон Винченцо поудобнее устроился в кресле.

Доменико Перейра мало изменился с тех пор, как дон Винченцо видел его в последний раз, разве что сильно постарел.

– Здравствуйте, дон Винченцо. Я… – от волнения Перейра не мог подобрать слова. – Как… как ваше здоровье, дон Винченцо? – совсем растерялся фермер.

Дон Винченцо громко расхохотался:

– Ты что, пришел справиться о моем здоровье? Садись! – он показал на стоящее рядом кресло.

– Спасибо, дон Винченцо. Вы так великодушны…

– Рассказывай, Доменико, что тебя привело ко мне? – перебил его дон Винченцо.

– Дон Винченцо, у меня случилось несчастье. Большое несчастье, – на глазах старика заблестели слезы.

– Ну, говори, говори! – нетерпеливо перебил дон Винченцо.

– Погибла моя дочь Луиза.

– Как?!

– Двое мерзавцев ее опозорили. Затем… затем убили и сбросили с обрыва, – старик горько заплакал.

– Выражаю тебе соболезнование. Но почему ты обратился ко мне? Ко мне, а не в полицию? Ведь это они занимаются такими делами.

– Но… дон Винченцо, эти двое не по зубам копам! Они плевали на копов! – неожиданно закричал старик.

– Спокойно! Спокойно, Доменико. Скажи, кто они?

– Это люди Дика Эспиносы, дон Винченцо, «Американец» и Родриго Спиноза, – старик виновато глянул в глаза дону Винченцо.

– Ты уверен? Точно они это сделали? – спросил задумчиво дон Винченцо.

– Да! – твердо произнес старик.

– Так… – дон Винченцо встал и подошел к окну.

«Эспиноса… этот выскочка! Сколько этого подонка можно терпеть! Наглость его не имеет границ. Недели две назад он сделал попытку крышевать несколько находящихся под моей защитой пивных. Конечно, у него ничего не получилось… Да еще дело с Хинесом. Люди Эспиносы избили его, забрав товар. Надо собрать все семьи города и поставить этого наглеца на место», – подумал дон Винченцо.

– Так! – повторил он. – Я знаю этих ребят… Будь спокоен, Доменико, они свое получат…

– Спасибо, дон Винченцо. Не знаю, как вас благодарить. Вот здесь я собрал кое-что, – он протянул небольшой пакетик.

– Что? Что? Убери деньги, Доменико! – нахмурился дон Винченцо.

– Простите, сеньор, я не хотел вас обидеть, – старик дрожащими руками спрятал пакет за пазуху.

– У тебя все, Доменико?

– Да, сеньор!

– Тогда ты свободен, – дон Винченцо вновь опустился в кресло.

– До свиданья, до свиданья, дон Винченцо… Да хранит вас Бог! – старик поклонился и направился к выходу.

Когда за ним закрылась дверь, дон Винченцо набрал номер Марка Холодовски. Трубку подняла Хелена, секретарша:

– Здравствуйте, дон Винченцо! Шеф будет через полчаса. Перезвоните, пожалуйста.

– Детка, он мне нужен сейчас! Ты поняла? Сейчас! Если он где-то поблизости – позови его!

– Хорошо, дон Винченцо. Я сейчас его поищу.

Через минуту дон Винченцо услышал низкий голос Холодовски.

– Здравствуйте, дон Винченцо!

– Здравствуй! Что нового слышно о самолете?

– По-прежнему ничего. Связь с ним оборвалась.

– Может, в полиции что-то известно?

– Зачем мешать сюда полицию?

– Возможно, ты и прав, – после некоторого раздумья произнес дон Винченцо.

– Я выяснил, что в том месте, где они могли находиться, была сильная гроза. И я боюсь, что они попали в нее… и… короче, возможно, они разбились.

– Или смылись! – в рифму произнес дон Винченцо. – Чуточку подождем, и если ничего не изменится, ты отправишься в Сан-Велью. Может быть, там кто-то слышал об аварии самолета.

– Но шеф! Если самолет упал в джунгли, наши поиски сильно усложнятся. Многие места там просто непроходимы. Тысячи миль неизведанных лесов…

– Марк! Меня это не интересует! Холидей и Хуан Мартинес должны быть найдены живыми или мертвыми! – ледяной тон дона Винченцо не предвещал ничего хорошего.

– Понял, шеф.

– Будут новости – сразу звони.

– Хорошо, шеф. До свидания.

Чуть подумав, дон Винченцо положил трубку.

Акция, которая так беспокоила его и терзала Хайме Переса, была продумана, казалась, до конца: необходимо изъять коллекцию драгоценных камней, которая принадлежала советнику Вулфу. Камни почему-то понадобились сенатору.

Но дело было не только в вознаграждении за удачно проделанную работу: дон Винченцо не мог отказать старому товарищу. Кроме того, сенатор обладал огромными связями, в том числе и в правоохранительных органах. Он частенько выручал дона Винченцо и его людей, когда те имели дело с полицией.

На Вулфа посыпались неприятности на службе и угрозы, к чему приложил руку сенатор. В конце концов, старый волокита решил бежать из города, конечно, прихватив с собой камешки. Он долго искал частного пилота.

Один из «друзей» посоветовал обратиться к Джону Холидею. Сей «друг», конечно же, действовал с ведома сеньора дона Винченцо. Сначала сенатор Перес хотел немедленно устранить Вулфа, но тогда коллекция могла быть упрятана где-то в укромном уголке. Поэтому решено было провести эту операцию. Ее разработал дон Винченцо и согласовал с сенатором Пересом.

Самолет вылетел утром, как и было оговорено с мистером Вулфом. Кроме пилота, в самолете находился еще и Хуан Мартинес, который якобы попросил Холидея подбросить его в Сан-Велью. Конечно, Вулф мог не согласиться лететь с еще одним пассажиром. На этот случай был разработан другой план: немедленно убрать его здесь же, на аэродроме. Конечно, очень рискованный план, но другого выхода в этом случае не было. Однако Вулф согласился лететь, а Мартинес в пути должен был ликвидировать его.

Дону Винченцо было над чем поломать голову. Проведение этой акции, которая казалась такой легкой, продуманной до конца, дало сбой. Самолет в назначенное время так и не приземлился в Сан-Велье, и парни дона Винченцо всерьез обеспокоились и поняли: что-то случилось. Что-то неучтенное нарушило естественный ход событий.

«Может быть, это вовсе не случайность, а продуманное решение пилота и Мартинеса – сбежать с камешками Вулфа, прихлопнув его при этом. Или они втроем сговорились разделить по-братски сокровища», – подумал дон Винченцо

и потянулся к телефону.

– Здравствуй, отец! – на пороге появился смуглый молодой человек в светлом костюме.

– А, Энрико, входи, входи! Ты куда-то спешишь?

– Да, папа. У меня ровно в девять деловая встреча.

Дон Винченцо усмехнулся. Он-то хорошо знал эти «деловые встречи». Небось, прелестная блондинка… Чуть раньше он поручил Марку узнать, с кем встречается его сын, и совсем успокоился, узнав, что тот и не думает быть «святошей». Конечно, ему всегда докладывали о партнершах сына.

«Пускай «малышу» повезет больше, чем мне, когда-то вечно голодному крестьянскому парню. Паренек получился что надо», – он с нежностью поглядел на сына.

Этот смазливый коренастый брюнет с большими карими глазами, точь-в-точь такими, как у покойной жены Кармен, всегда вызывал у дона Винченцо глубокое отцовское чувство. Но, может быть, из-за боязни прослыть сердобольным дон Винченцо никогда не показывал этого, хотя за внешней суровостью скрывалась сильная отцовская любовь. Вот и теперь дон Винченцо подумал, что следует поручить Марку заняться Энрико вплотную. Ведь «малыш» совсем неразборчив в связях, и враги могут использовать это.

В последнее время Энрико появляется везде с некой Патрицией Коэн, манекенщицей. Эта полногрудая блондинка и впрямь красавица. Дон Винченцо с удовольствием отметил это. Но все равно: Энрико уже двадцать восемь, и следует остепениться. Дочь сенатора Переса и Энрико – идеальная пара.

– Ты сегодня будешь ночевать дома? – мрачно спросил дон Винченцо.

– Не знаю, папа, – эти наглые глаза явно врали.

– Энрико, послушай! Нас пригласил на ужин сенатор Перес.

– Сенатор Перес? А когда? – Энрико задумался.

– Он пригласил нас на завтра. Ровно в семь вечера. Ты пойдешь?

– Не знаю, отец. Как получится.

– Но мы должны там быть, – нахмурился дон Винченцо.

– А мне там быть обязательно?

– Да, обязательно! Я познакомлю тебя с нужными людьми. Это тебе пригодится в будущем. Поэтому я еще раз повторяю: ровно в семь мы должны быть у сенатора.

– Хорошо, отец. Мне можно идти?

– Да! – дон Винченцо кивнул головой.

Когда он вышел, дон Винченцо потянулся за очередной сигарой.

Глава 5

Огромный красный диск, медленно оседая, скрылся за горизонтом, и стало значительно свежее. Сразу начал стихать многоголосый птичий гам.

Там-сям от травы, из-под кустарников и деревьев стали появляться островки сизого тумана. Скоро от близлежащих предметов остались лишь темные сгустки, окаймленные темными контурами.

– Надо разжечь костер. Я соберу веток. – Джон повернулся к лежащему на траве Хуану. Тот ничего не ответил. От холода у него зуб на зуб не попадал. Джон поднялся и шагнул в туман. Хуан молча поглядел ему вслед. И, когда фигура пилота растаяла в тумане, он закрыл глаза. Ему было плохо, очень плохо. Ранение и тяжелый утомительный путь, который он проделал, давали о себе

знать. Опять страшно разболелась голова, и несколько раз его рвало, после чего становилось чуть-чуть легче. Треск ломающихся сучьев заставил его открыть глаза. Он увидел Джона, сидящего на корточках возле груды набросанных веток. Пилот то и дело щелкал зажигалкой, пока не зажег какую-то бумажку и сунул ее в костер. Хотя ветки в основном были сухие, пришлось изрядно потрудиться. Но вот огонь заполыхал, весело треща, а из пламени полетели во все стороны искры. Тем временем туман почти рассеялся, и на джунгли опустилась холодная тропическая ночь.

Птицы совсем умолкли, зато трещали цикады.

– Да, попали мы в переделку, – произнес пилот. Он подошел к мешку и вытащил заветную бутылку виски.

– Ты спишь? Возьми, хлебни! – он тронул Хуана за плечо. Даже через свитер Джон почувствовал, как горит тело несчастного мулата.

«У него очень высокая температура», – подумал он.

Пилот попробовал расшевелить Хуана, но тот был в беспамятстве, только громко стонал и бредил. Но когда Джон перенес его поближе к костру, он открыл глаза. Тотчас пилот протянул ему виски. Дрожащей рукой мулат взял бутылку и сделал несколько глотков. Ему сразу стало легче, ибо он приподнялся, а затем сел и огляделся. Он долго смотрел на пламя костра.

– Слушай, Джонни, я надолго вырубился? – тихо произнес мулат.

– Надолго? Пожалуй, нет. Скажем, ты чуть вздремнул.

– Брось врать. Я чуть было не сдох. Правда, теперь немножко лучше, – он пошарил рукой в траве. – А где камешки? Я оставил мешок здесь, – он показал на траву подле себя.

– А, камешки? Сейчас, – пилот поднялся и отбежал в сторону, в темень. Когда он пришел, Хуан положил мешок под голову:

– Так будет спокойнее. Я чертовски хочу спать.

Джон встал, собрал несколько веток, валяющихся под ногами, и бросил в костер. «Хоть бы не уснуть. Наверняка здесь крупные звери водятся», – подумал он и огляделся.

Черное пространство вокруг костра было тихим и спокойным, слышались только треск горящих веток да пение цикад. Весь небосвод был усеян крупными звездами. Джон узнал ярко горящий Южный крест. Вот промелькнула падающая звезда.

«Если бы успел загадать желание, то непременно пожелал бы выбраться отсюда живым, – подумал он. – Но на все воля Божья. Судьбе было угодно распорядиться так, что я, Джон Холидей, пилот высшего класса, в общем-то, человек неплохой, принял участие в этом грязном деле. Но, видимо, что-то или кто-то оберегает людей от дурных поступков. Не зря меня так и подмывало отказаться от предложения этого проклятого мафиози дона Винченцо. Конечно, мой отказ ему бы страшно не понравился. Возможно, он бы и виду не подал, что рассердился. Но потом меня бы закатали в бетон…»

Невеселые мысли пилота были прерваны воплями, такими ужасными и громкими, что Джон содрогнулся. Пронзительные звуки, казалось, заполнили все пространство вокруг. Они то смолкали, то слышались вновь. Кто-то невидимый, а потому ужасный, то плакал, как ребенок, то хохотал, как безумный на весь лес так, что кровь стыла в жилах. «Какие-то обезьяны», – решил пилот и для храбрости хлебнул виски. Теперь ему было не до сна. Он посмотрел на Хуана. Тот безмятежно спал.

Через полчаса или, может, больше, изрядно измучив барабанные перепонки, вопли вдруг прекратились, и на пилота вдруг обрушилась тишина, коварная и обманчивая. В темноте вокруг костра притаились ужасы, и надо было быть начеку. Тем не менее, желание спать брало свое. Ходьба вокруг костра уже не давала эффекта, а стоило только Джону присесть на траву, он сразу начинал клевать носом. «Будь что будет!» – подумал он, прилег рядом с мулатом, накинул на голову остатки куртки и мгновенно уснул.

Проснуться его заставил чей-то пристальный полный ненависти взгляд. Сердце его отчаянно заколотилось от страха. Он повернулся к неведомому противнику лицом и медленно потянулся рукой в карман за пистолетом. К своему ужасу, оружия он не обнаружил. Джон пошарил в траве: может, пистолет выпал? Но напрасно, оружие исчезло. Охваченный паникой, он вскочил на ноги.

Прямо перед ним догорал костер, а чуть в стороне, в зарослях, горели зеленые огоньки – глаза какого-то загадочного и ужасного существа. Минуту-другую Джон не мог оторвать от них взгляда, чувствуя, как ноги наливаются тяжестью. «Еще немного, и будет поздно!» – мелькнула молнией мысль. Громко вскрикнув, пилот подбежал к костру, схватил горящую головню и швырнул ее в зверя. Раздался дикий рев. Треск ломающихся кустов возвестил, что пилот попал в цель. Еще не веря в удачу, Холидей закрыл лицо руками и медленно опустился на землю. Сердце его бешено колотилось. Он тронул мулата за плечо, но тот безмятежно спал. Тогда Джон поднялся, чтобы насобирать веток и бросить в костер. Едва он сделал это, как Хуан проснулся.

– Привет, Хуан! Как самочувствие?

– Плохо. Чердак раскалывается, – он прикоснулся рукой к голове. – Всю ночь снились кошмары.

– А ты знаешь, к нам приходили гости… – Джон бросил ветку в костер и присел рядом.

– Гости? Какие гости?

– Какой-то зверюга чуть не сожрал нас.

– Так почему он передумал? – вырвалось нечто вроде смешка у мулата.

– Я его прогнал, – Джону было не до шуток.

– И что это был за хищник?

– Я не разглядел. И еще: у меня пропал пистолет. И один из мешков.

– Что!? – мулат лихорадочно сунул руку в изголовье. – Фу… – он перевел дух. – Слава Богу, на месте.

– Исчез мешок с продуктами, – произнес пилот.

Тем временем стало светать. Заметались бледные тени, и по небу понеслись густые темные облака. Потянуло свежестью. Кое-где начали слышаться птичьи голоса, чтобы потом обрушиться на джунгли, оглушая все живое.

– Может, твой зверюга стащил харчи? – предположил Хуан.

– Может, может… Все может! – зло выкрикнул Джон. – Я бы этому ублюдку голову открутил! – добродушный гигант был в ярости.

– Конечно, если бы ты до него добрался, – философски заметил Хуан.

– Вообще, думаю, нам недолго здесь куковать. Уверен, что ребята дона Винченцо уже ищут нас. Думаю, они скоро обнаружат обломки самолета. Нам не следует далеко уходить от места падения.

Конечно, пилот ошибался или сознательно врал, успокаивая мулата, и это было очевидно. Тысячи миль сплошных зеленых зарослей надежно скрывали поверхность этого неизведанного края. Следы самолета, врезавшегося в землю, через неделю совершенно исчезнут, даже если смотреть с вертолета. Джунгли умеют хранить тайны. Хуан знал это точно. Он пристально посмотрел на пилота. Тот стоял, прислонившись к дереву, и глядел на догорающий костер. Слабые блики огня плясали на его печальном лице. «Однако парень немного надломился», – от этой мысли мулату стало почему-то приятно.

– Не бойся, конечно, они нас найдут, – он улыбнулся пилоту.

– А я и не беспокоюсь. Шеф не оставит нас в беде.

– В самом деле. Ему позарез нужны эти камешки. И тебе тоже. Не правда ли, Джонни? – тонкие губы мулата змеились в улыбке.

– Честно сказать, мне бы не помешали, но они мне не принадлежат.

– А кому? Ведь тот, как его, Вулф, он что, честно их заработал? Вот мы их у него изъяли, теперь они наши.

– Но ведь… шеф… дон Винченцо…

– Что дон Винченцо? Они меньше всего ему принадлежат, – перебил простофилю мулат.

Джон в упор поглядел на него.

«Черт его знает, что у него на уме?» – подумал Хуан, и безотчетный страх сдавил его грудь.

– Пойду поищу воду, – Джон взял бутылку, которую Джон уже успел опорожнить, и направился в сторону густых бамбуковых зарослей. Не успел он отойти и несколько шагов, как резкий щелчок заставил его обернуться. У костра сидел мулат, и в руке его вороненой сталью поблескивал пистолет.

– Ты… ты… ты что?! – страх мгновенно парализовал мышцы пилота.

– Получай, ублюдок! – взвизгнул мулат. – Ты сам выбрал это!

Грянул выстрел. Сделав несколько неуверенных шагов, пилот медленно опустился на колени:

– Будь… будь ты проклят! – прохрипел он.

Мулат выстрелил еще раз, и несчастный уткнулся лицом в густую траву.

Глава 6

Небольшая тихая улочка с шикарными виллами, расположенными по обе стороны дороги, утопала в зелени. По правде говоря, высокие массивные стены, увитые виноградными лозами и плющом, несколько портили вид, но не настолько, чтобы владельцев этих домов можно было заподозрить в безвкусице. Скорее всего, глухие стены нужны были, чтобы отгородиться, спрятаться от мира, где правит страсть и нажива, ханжество и обман. По сути, они были нужны, чтобы как можно меньше общаться с внешним миром.

Здесь надо сказать, что при покупке виллы Хайме Перес, тогда еще не сенатор, сначала хотел снести эту массивную ограду и заменить ее легким ажурным металлическим забором, но потом передумал, считая, что негоже чем-то выделятся среди соседей.

Вот в таком доме, где жизнь текла однообразно и размеренно, точь-в-точь как у персонажей старика Диккенса, росла Дорис Перес. Она воспитывалась на романах Бронте и Бальзака, а еще ей нравилась Жорж Санд: воображала себя то Джейн Эйр, то Консуэлло, а порой Жанной Дарк, хотя последняя пугала ее своей воинственностью.

В последнее время любящее сердце отца чувствовало некоторую перемену в поведении дочери. Девочка как-то изменилась, и это настораживало его. Добрая и отзывчивая, она стала вдруг раздражительной. Круги под глазами говорили о бессонных ночах. Сенатор понимал, что пора поговорить с дочерью, но откладывал разговор, хотя видел, что тянуть больше некуда.

Вот и сейчас он сидел в мягком кресле, потягивая сигару, и думал о Дорис. Невеселые мысли вдруг прервала мелодичная телефонная трель. Звонила Берта, секретарша:

– Сеньор Перес, вы просили меня связаться с сеньором Галло. Он будет в своем офисе через час, – официальным тоном сообщила она.

– Хорошо! – сенатор раздраженно бросил трубку.

Спустя несколько минут он с тяжелым сердцем постучал в дверь спальни дочери.

– Войдите!

Сенатор вошел и тяжело опустился в кресло.

– Доброе утро, Дорис!

– Доброе утро, – ответила дочь.

– Ты плохо спала? – он увидел мешки под глазами. – Опять всю ночь читала? – Перес кивнул на раскрытую книгу.

– Да… что-то не спалось.

– Дорис, детка, ты совсем не заботишься о своем здоровье. Так много читать вредно, тем более у тебя слабое зрение.

– Не беспокойся, папочка, здоровье у меня в порядке.

– Слушай, Дорис, ты сильно изменилась в последнее время.

– Я!? Это тебе, кажется, папочка, – она нервно улыбнулась.

– А не отдохнуть ли тебе недельку-другую в Майами? Хочешь, я закажу там яхту?

– О, здорово! Я не против.

– Вот и хорошо. Значит, договорились.

– Да.

– Тогда я пойду к себе, поработаю, – он направился к двери.

Когда отец вышел, Дорис подошла к стоящей на столе у окна стереосистеме и нажала на клавишу. Из динамика полились мелодичные звуки «Лунной сонаты». Девушка уменьшила звук, подошла к кровати и вновь легла. Закрыв глаза, она погрузилась в чарующий мир музыки.

«Конечно, конечно, ты, папочка, прав. Я действительно изменилась, и виной этому эти проклятые сны!» – она вдруг вспомнила свой первый сон. Тогда она не придала ему значение. Но, когда он явился опять, девушка призадумалась. Одинаковые сны… Дорис с тревогой думала о них, боясь засыпать. И это длится уже вторую неделю…

Во всяком случае черное облако в сновидениях ничего хорошего не предвещает. Еще был колючий ветер. Но самое удивительное, что во сне ее всегда сопровождал высокий брюнет. Вдали маячил неясный силуэт какого-то огромного мрачного здания с двумя массивными колонами у входа. Дорис и ее спутник приближаются к зданию. Сердце девушки тревожно бьется. Вот они уже у самого входа. А облако разрослось и заполонило весь небосвод. Стало темно. Вдруг колонны у входа покрылись чем-то красным. Красная пена ползет к ногам девушки. Красная пена и тьма… Красная пена и тьма. Так всегда заканчивался этот сон.

«Необходимо чаще бывать в церкви», – подумала Дорис, и ее охватило уже привычное чувство страха.

Она снова встала с постели и выключила музыку. Ей не хотелось оставаться одной в комнате, и она постучала в дверь кабинета отца.

– Войдите, – услышала она.

– Ты не слишком занят? – Дорис слегка приоткрыла дверь.

– Входи, Дорис, – сенатор оторвался от бумаг.

Девушка подошла к столу, взяла одну из разбросанных газет и, усевшись в кресло, рассеяно пробежала глазами заголовки. Сенатор в это время принялся что-то писать.

– Папа, я бы хотела поговорить с тобой о маме, – она положила газету на стол.

– О маме? – пораженный сенатор отложил перо, откинулся на спинку кресла и задумался. Стало видно, что он чем-то очень взволнован, ибо лицо его стало пунцовым. – О маме? – повторил он. Затем зажег сигару и сделал глубокую затяжку. Подошел к раскрытому окну. – Доченька, ты так на нее похожа, – взволновано прошептал он. – Я с нею был счастлив. Несомненно, был счастлив, – задумчиво произнес он. – Никого я так не любил, как ее, – произнес он, подчеркивая слово «несомненно». – И люблю до сих пор…

– А Шарлота? – спокойно перебила его Дорис.

– Шарлота… Шарлота? – он задумался. – Видишь ли, дочь, это совсем другое…

– Ты хочешь сказать, что не любишь свою нынешнюю супругу? – Дорис глянула в глаза сенатора.

– Нет, я этого не говорю. Шарлота совсем другой человек. Она не чета твоей матери.

– В каком смысле?

– У нее совсем другой характер.

– Ты что, жалеешь?

– О чем?

– Ну, что женился на ней…

– Видишь ли, когда это случилось с твоей матерью, я думал, что тоже не выживу… Когда она носила тебя под сердцем, я был на седьмом небе от счастья. Не обижайся, я думал, что у меня будет сын, но и дочери я был бесконечно рад. Когда из больницы раздался тот проклятый звонок, разрушивший мою жизнь, я сначала не поверил, а когда до меня дошло, потерял сознание. После пережитого шока я поклялся свою дальнейшую жизнь посвятить тебе. Думаю, не ошибся, поручив Луизе быть твоей служанкой. Она в некоторой степени должна была заменить тебе мать. Хотя я отлично понимал, что мать тебе не заменит никто. Тем не менее, я поручил ей смотреть за тобой. Я знал ее еще до твоего рождения. Она была сильно привязана к нашей семье, особенно к твоей матери. Я когда-то тебе рассказывал об этом, – догорающая сигара обожгла ему пальцы, и он потушил ее. – У этой малограмотной крестьянки золотое сердце. Любовь к твоей матери она перенесла на тебя… Я не ошибся, Дорис?

Девушка кивнула головой.

– Да, папа. Мне повезло, что со мной все эти годы была Луиза.

– Я был очень поражен, когда она сказала, что хочет уйти… Уговаривал остаться, но Луиза мне сказала, что накопила немного денег, необходимую сумму, чтобы купить маленький домик на побережье.

– И ты поверил?

– А что, разве была другая причина?

– Я думаю, что да.

– Какая?

– Папа, папа, ты веришь в судьбу? – она резко переменила тему.

– Что? Что? – не понял сразу сенатор.

– Ты веришь в судьбу, папа? В то, что каждому все предназначено свыше? – голос ее выдавал волнение.

– Но почему ты вдруг заговорила об этом? Тебе еще рано быть фаталисткой, – назидательным тоном произнес сенатор.

– А все-таки, папа? – произнесла она едва слышно.

– Как тебе сказать… – сенатор задумался. – Что-то этакое есть… Но пора опуститься на грешную землю… Итак, когда ты намерена уехать в Майами?

– Я еще не знаю. Думаю, через недельку-две, как ты говорил, – она покраснела. – А мама когда-нибудь говорила, что предчувствует свою гибель?

– Опять ты за свое? – нахмурился Перес. – Предчувствовала? Пожалуй, нет. Хотя за месяц до родов она часто грустила. Я думал, что она немножко боится. Все женщины боятся родов.

– Но, может быть, она предчувствовала гибель и поэтому грустила?

– Дорис, тебе не следует читать мистические романы, – улыбка на его устах выглядела жалкой. Он волновался, не знал, куда девать руки – то совал их в карманы, то закладывал их за спину, прохаживаясь при этом по комнате.

– Мы, кажется, отвлеклись от темы. Ты спросила, жалею ли я, что связал свою жизнь с Шарлотой? Так вот! Ты можешь меня упрекнуть, что я оказался не верен памяти Маргрет, – он, наконец, уселся в кресло и начал вертеть массивную бронзовую пепельницу. – Но пойми, Дорис, возможно, я повторяюсь, но мне, когда это случилось, было адски трудно. Можно сказать, я тогда не жил вовсе…

– И тогда ты встретил эту юную Венеру…

– Дорис! – укоризненно произнес сенатор. – Да! И тогда я повстречал Шарлоту… Но еще слишком яркими были воспоминания о твоей матери. Затем… – он замялся.

– Затем она уложила тебя в постель! – перебила его Дорис.

– Зачем ты так? Все было намного сложнее. Между нами сложились теплые отношения. Даже более чем теплые… Довольно глубокие…

– О, хо-хо! Зачем так возвышенно? Просто она хотела выйти за тебя замуж! – Дорис вызывающе глянула ему в глаза.

– Ты… ты злая, глупая девушка! Ты ненавидишь ее! – повысил голос сенатор.

– Да! Да! Я ненавижу ее! А за что ее любить!? Ты… ты забыл о моей матери! Шарлота обманывает тебя! – воскликнула девушка, и из глаз ее полились слезы.

– Что? Что ты сказала? – он подошел к Дорис и больно сжал ее плечи.

– Прости, папа! Я сама не знаю, что говорю, – рыдания сотрясали ее тело.

– Ладно, ладно, доченька, – он слегка похлопал ее по плечу. – Мне давно следовало бы понять, что вы никогда не подружитесь, – тихо произнес он. – А Луиза ушла из-за нее? – спросил Перес, заранее зная ответ.

– Да, – прошептала девушка. – Луиза сказала, что Шарлота уволила ее.

– Прямо так и сказала?

– Нет, конечно. Она всячески придиралась к бедной Луизе. В конце концов, та вынуждена была уйти.

– Но я впервые слышу об этом! – воскликнул сенатор. – Почему она не пожаловалась мне?

– На кого? На Шарлоту? Ты же боготворишь ее! Ты же выполняешь все ее капризы…

Тут зазвонил телефон, и сенатор снял трубку.

– Да, да! Здравствуйте, сеньор Галло. Что известно нового о самолете? – услышала Дорис. – Это плохо, очень плохо! Мы даже не знаем квадрат, где самолет якобы разбился. А прочесать джунгли нереально. Держите меня в курсе дела… Да, мое приглашение остается в силе, – сенатор аккуратно положил трубку.

– Я, пожалуй, пойду, папа. Что-то разболелась голова, – Дорис встала и направилась к двери.

Глава 7

Дорис не солгала. У нее действительно разболелась голова. Только что произошедший разговор взволновал ее, и теперь, сидя в своей комнате, она старалась вспомнить каждое слово отца. «Конечно, он действительно любил мать, – подумала она и взглянула на небольшую фотографию мамы в золоченой рамке, стоящую на ее столике. – Тот же овал лица, такой же вздернутый носик, небольшие пухлые губки, – она перевела взгляд на стоящее рядом зеркало. – Вот только прическа… – она собрала челку и зачесала наверх, обнажив небольшой, изящно вылепленный лобик и изумилась: сходство и впрямь было поразительным. – Сколько ей здесь? Когда это случилось, ей был двадцать один

год», – подумала она.

– Моя милая, любимая мамочка, если бы ты жила, все было бы по-другому. Об этой шлюхе Шарлоте, скорее всего, я никогда бы не слышала.

Дорис стало грустно, и она включила Бетховена. Под звуки сонаты всегда так хорошо мечталось, но теперь ничего не получалось. От этого ей стало еще грустнее. Чтобы как-то себя приободрить, она начала вспоминать радостные эпизоды из ее жизни. Вспомнила, как она радовалась, когда отец привел ее, маленькую девочку, в зоопарк. А что еще? Пожалуй, еще поездка в деревню. В четырнадцать лет ей открылся такой незнакомый мир, всколыхнувший ее до глубины души. Она вспомнила все так отчетливо, будто это было вчера, а не шесть лет назад.

В то далекое прекрасное утро Луиза разбудила ее пораньше. Она давно обещала Дорис показать свою родную деревню, о которой много рассказывала девочке. Сенатор Перес был тогда в отъезде. Луиза попросила второго водителя сеньора Переса, Антонио, мающегося без дела, отвезти их в деревню. Отмахать всего несколько миль для Антонио было пустячным делом. Конечно, все делалось с ведома сеньора Переса.

Накануне служанка предупредила Дорис о предстоящей поездке. Бедная девочка провела без сна почти всю ночь и забылась лишь под утро. В то утро во дворе так сладко источали аромат только что проснувшиеся цветы… Щебетанье птиц и чудная трель доносились из сада. Как завороженная, слушала она прелестные звуки незримого певца, пока Луиза не увлекла ее к воротам. Потом они долго петляли по городу. Дорис было неинтересно смотреть на мрачные здания, и она задремала.

Заставил ее очнуться тугой прохладный поток воздуха, проникающего в автомобиль через открытое окно. Виды по обе стороны дороги были изумительными. Небольшие апельсиновые рощи сменялись густыми бамбуковыми зарослями, затем, почти вплотную к дороге, шли изумрудные поля, на которых работали люди. Некоторые из них смотрели вслед автомобилю. Им было в диковинку видеть на этой проселочной дороге в такую рань автомобиль. И Дорис позавидовала им. Их не испортила цивилизация, которую, живя в городе, ненавидела и боялась она, четырнадцатилетняя девушка. Дорис казалось, что отношения между ними были такие чистые, как и их чистые души. Не то, что в ее обществе, где все покупается или делается по расчету. В то же

время она понимала, что, в конце концов, ей придется смириться, ибо так в ее обществе повелось, и никуда не денешься. Мир крестьян был так похож на ее книжный мирок! Она это ясно почувствовала. Душу ее охватил восторг. Она оглянулась на Луизу, та, казалось, дремала.

Часто меж деревьями мелькали строения. Вот опять дома: один, два… Они свернули с дороги и въехали в деревню. Это была та самая деревня, конечный пункт их поездки. Она утопала в зелени, маленькие изящные домики были почти не заметны из-за апельсиновых деревьев. Дорис поразило почти полное отсутствие людей. Кроме нескольких старух, сидящих на скамейке у одного из домов, не было никого. Автомобиль около них и остановился.

Луиза вышла из салона и поздоровалась со старухами. Они проговорили минут пять, и служанка села в автомобиль. Машина тронулась. Еще несколько улочек, и они остановились у ветхого домика, в котором с трудом угадывалось жилье.

– Пойдем со мною, Дорис. – Луиза вышла из машины и подала девочке руку. Они отворили незапертую скрипучую калитку и вошли в узкий темный коридорчик. Затхлый запах ударил в нос. У девушки закружилась голова, ей захотелось на улицу, на свежий воздух. Она бы, возможно, и выбежала, но Луиза крепко держала ее за руку. Они подошли к двери, из-под которой пробивалась узкая полоска света. Луиза толкнула дверь, и она открылась. Дорис, войдя из темного коридора в светлую, залитую солнечным светом комнату, зажмурила глаза. Когда она их открыла, то с удивлением обнаружила, что помещение, в котором они оказались, было чистым и опрятным, о чем даже нельзя было догадаться, глядя на дом снаружи. В комнате почти полностью отсутствовала мебель. Здесь был небольшой столик, несколько стульев и две кровати. На одной лежала старуха столь древняя, что, глядя на ее лицо, обтянутое пергаментной кожей, и голый череп, Дорис испугалась. Чуть поодаль сидела другая старуха, помоложе, и вязала.

– Здравствуйте! – негромко произнесла Луиза.

– А… Здравствуй, Луиза, – ответила старушка, сидящая у окна. – Садитесь, пожалуйста, – она указала на грубо сделанные табуретки. Луиза пододвинула к старушке стул, села, а Дорис так и продолжала стоять.

– И вы, сеньорита, садитесь, не стесняйтесь, – старуха подошла к лежащей на постели и, наклонившись, что-то прошептала ей. А Дорис, подобрав платье, села на табуретку.

– Луиза, подойди ко мне! – подала вдруг голос старуха, лежащая на кровати. Голос ее был такой скрипучий, что Дорис вздрогнула. Луиза же поднялась и молча подошла к кровати. Старуха повернула к ней желтое лицо и Дорис увидела ее глаза. Зрачки были подернуты сизой дымкой. Несомненно, она была слепа. Девушке стало жутко.

– Ты приехала на черной машине с той сеньоритой, – она указала рукой на Дорис.

– Да, тетушка Кармен, – тихо произнесла Луиза.

– Я знаю, ты очень привязана к Дорис, – при упоминании своего имени девочка вздрогнула.

– Я старалась заменить ей мать, – прошептала оторопевшая Луиза.

– Я это знаю. Но теперь внимательно слушай. Через несколько лет вы расстанетесь в первый раз. Во второй раз вы расстанетесь навсегда. Когда ей исполнится… – старуха замолчала. Она тяжело дышала. Казалось, она вот-вот лишится последних сил. – Дорис! Дорис! Тебе следует опасаться автомобиля и светлой женщины! – из уст старухи вдруг вырвался молодой звонкий голос, такой непохожий на тот, которым она говорила чуть раньше.

– Луиза, хватит! Кармен сильно устала, – старуха, очевидно, ее дочка, встала и потянула Луизу за рукав. Та, бледная, опустилась на стул.

– Что ж, пойдем, Дорис. Тетушка Кармен сегодня больше ничего не скажет, – пробормотала она.

– До свидания, Марта, – обратилась она к старухе.

Затем Луиза подошла к постели:

– До свидания, тетушка Кармен, – прошептала она и поцеловала иссохшую руку старушки.

Старуха даже не шелохнулась.

– Дорис, девочка моя, что с тобой? На тебе лица нет! – испугалась Луиза, видя белое как мел лицо Дорис. Девушке трудно было ответить: она начала оседать на пол, но Луиза подхватила ее. – Милая моя! – служанка обняла ее и поцеловала. – Не бойся, все будет хорошо! Через несколько лет ты будешь совсем взрослой, выйдешь замуж, тогда мы и расстанемся. Ведь это имела в виду тетушка Кармен.

А Дорис тогда расплакалась.

– Дура! Дура я! И зачем только я взяла тебя с собой! – прошептала Луиза. – Я хотела узнать о себе, и вот что получилось. Не плачь, глупенькая, она тебе ничего плохого не предсказала.

Они уехали, и вскоре девушка успокоилась, но по-прежнему была печальна. После этого они зашли в деревенский храм и зажгли там свечи. Неподалеку находился тот дом, где родилась и провела детство Луиза. Родители ее давно умерли, и дом стоял заколоченный, по-видимому, вызывая у Луизы грустные воспоминания.

Домой они возвращались, когда солнце уже садилось. Дорис так измучилась за день, что всю дорогу спала и проснулась только перед самым въездом в город. У ворот дома Дорис обратила внимание на черный кадиллак: «Наверняка у нас гости», – подумала девушка.

Она пропустила вперед Луизу, и та открыла ключом входную дверь. Девушка поднялась по лестнице на второй этаж, чтобы пройти в свою комнату, но вдруг услышала странные звуки. Дверь в спальню была приоткрыта, и именно оттуда доносился странный шум. Дорис невольно глянула внутрь и увидела гладь зеркала, а в нем два обнаженных извивающихся тела. Оглушенная, она не могла двинуться с места, пока не встретилась с испуганными глазами Шарлоты, и с силой захлопнула дверь.

Всю ту ночь Дорис проплакала. Через несколько дней приехал отец.

А Дорис почувствовала, как глубоко ненавидит мачеху.

Глава 8

Внезапно сухой лес перешел в густой кустарник, среди которого там-сям росли небольшие деревья с искривленными стволами. Здесь почти не было травы, а землю устилали сухие листьями, хрустевшие под ногами.

Хуан чувствовал себя настолько плохо, что едва не упал от головокружения, и сел на поваленное дерево, чтобы передохнуть. Его мучила жажда, ставшая к тому времени невыносимой.

Он задумался: «Конечно, люди Гомеса бросятся на поиски, поэтому мне надо убраться подальше от места крушения самолета», – подумал он и глянул вверх. На востоке набухало огромное синее, почти черное облако. Хуан с облегчением вздохнул: скоро жара спадет и, наверняка, пойдет дождь. Он взглянул на землю, и то, что увидел, только подтвердило его предположение: муравьи суетились и закупоривали входы в муравейник. Чуть поодаль муравейника кучка муравьев, облепив барахтающуюся осу, тащила парализованную жертву.

«Так и у людей. Миллионы людей работают для благополучия кого-то одного и его приближенных… Как и у людей, сотни готовы принести ради этого в жертву свою жизнь. Свою жизнь – во имя благополучия других… Чтобы быть наверху, надо иметь деньги. Камешки помогут мне, и ради них надо идти на все. Ублюдок дон Винченцо, придет время, и я поговорю с тобой на равных!» – он ощупал сверток за пазухой.

Однако суровая действительность вернула его на землю. Жажда, мучавшая его, заставляла быстрее шагать. Вскоре он почувствовал, что задыхается. Стучало в висках, и он все чаще останавливался, чтобы передохнуть. Редкий лес состоял из деревьев с очень мелкими листьями, которые практически не давали тени: солнце пронизывало их насквозь. Странно, но пения птиц почти не было слышно. Возможно, они умолкли, охваченные дремотой. Откуда-то появились полчища насекомых: саранча, жучки, лесные клопики, паучки заползали за ворот рубашки. Так продолжалось около часа. Но вот солнце скрылось за черной тучей,

и наступил полумрак. Потом упали первые капли дождя. На джунгли обрушился настоящий тропический ливень. Через полчаса он внезапно прекратился, и опять выглянуло солнышко. В лес вернулась жара, возможно, еще более тягостная, чем раньше. Воздух был перенасыщен влагой. Странно, но насекомые исчезли. Мулат промок до нитки, но ливень несколько облегчил его страдания. Самое главное, что удалось утолить жажду: на земле образовались небольшие лужицы со сносной водой. Он с жадностью пил из них и чувствовал, как прибывают силы. Хуан прошел еще милю или две и упал в изнеможении на траву. Он чувствовал, что дело идет к вечеру: жара начала спадать. Хуан поднялся и пошел дальше, отметив при этом, что почва была влажной, хотя после ливня прошло достаточно много времени. Стали появляться небольшие бамбуковые рощицы, и он понял, что идет в направлении реки или озера.

«А вот и полянка, где можно отдохнуть», – мулат сел на траву и огляделся. Здесь росла густая сочная трава и редкие деревья. Хуан присел у основания одного из них и вскрикнул от изумления: в траве отчетливо виднелись следы угасшего костра.

«Люди, здесь были люди!» – он готов был кричать от радости или отчаяния. Хуан вскочил и подбежал к обгоревшим веткам.

«Кто они? Враги или друзья?» – он многое бы отдал, чтобы узнать это.

В траве что-то блеснуло. Он нагнулся… и поднял бутылку из-под виски.

Хуан долго держал ее, ничего не понимая, и вдруг до него дошло. Это их бутылка! Это их костер! Вон в той траве он оставил труп Джонни. Его охватила дрожь. Он подбежал к тому месту, но то, что увидел, потрясло его: там ничего не было! Не было! Труп исчез! Исчез! Хуан протер глаза.

«Место, несомненно, то. Вот деревце с изогнутым стволом, где лежал несчастный пилот… – Он начал шарить в траве и обнаружил кровь. – Прочь, прочь от этого проклятого места», – и бросился в густые заросли бамбука. Он бежал, пока ноги не перестали слушаться его. Хуан рухнул на землю, покрытую папоротником и мхом.

Очнулся он, когда стало смеркаться. Среди крон деревьев появился серебристый диск луны. Хуан приподнялся на локтях и замер. В нескольких местах от него

стоял огромный пятнистый зверь и глядел на него в упор. В огромных желтых глазах Хуан прочел тупую ненависть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/reznik_semen/amazonka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить